

КТО ТАКИЕ РУССКИЕ «ВОСТОЧНИКИ»?

ЛЕКХА ЖУКОВА

Кандидат исторических наук,
доцент МГУ

Говоря о «восточничестве», необходимо уточнить содержание этого термина, смысл и происхождение которого не вполне ясны.

Происхождение термина

Словарное значение слова «восточник» описывают синонимы «студент института восточных языков»¹, «ориенталист» (востоковед). Полный церковно-славянский словарь определяет его так: «обитатель восточных стран»². Причем первая трактовка сохраняется и в словарях Д. Н. Ушакова, и Т. Ф. Ефремовой³, и З. Е. Александрова⁴. Нет определения «восточничества» и в современных философских энциклопедиях⁵. Также не упоминается оно и в исторических словарях, а в Википедии, например, применительно к Э. Э. Ухтомскому использован термин «востокофильство»⁶.

1 Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Изд. 5-е. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1891. [Т. 1]. Вып. 1: А–В. С. 526.

2 Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений), содержащий в себе объяснения малопонятных слов и оборотов, встречающихся в церковно-славянских и древне-русских рукописях и книгах... / Сост. свящ. магистр Григорий Дьяченко. М.: Тип. Вильде, 1900. С. 97.

3 Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000.

4 Александров З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е издание. М.: Русский язык, 2001.

5 Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М. А. Маслина. Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М.: Алгоритм, 2007; История философии: Запад-Россия-Восток / Под ред. Н. В. Мотрошиловой. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1996–2000. Кн. 3.

6 Ухтомский, Эспер Эсперович — Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Отсутствие определения «восточничества» в дореволюционных справочных изданиях вполне объяснимо. Течение это не оформилось в сколь-нибудь определенную организацию или философскую школу. Вообще, термин «восточничество» в дореволюционной историографии практически не встречается. В статье Бориса Межуева «Моделирование понятия “национальный интерес”». На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX века» приводится «лишь один случай использования этого термина в качестве самоназвания — в одной из нововременских заметок 1901 г. цикла “Опыты русской мысли” популярного на рубеже веков публициста С. Н. Сыромятникова»⁷.

Несколько удивляет отсутствие термина «восточники» в словарях советского периода, поскольку речь идет об «империалистической концепции, обосновывающей экспансию России на Дальний Восток». Таким пониманием «восточничества» мы в значительной степени обязаны диссертации Андрея Александровича Малозёмова⁸.

Не вполне законченная диссертация основана исключительно на опубликованных материалах, архивы в ней не использованы. Зато автор мобилизовал обширный круг публикаций и исследований

7 Межуев Б. В. Моделирование понятия «национальный интерес»: На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX века // <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/east/modelling/> Суворов В. В. Место «восточничества» в российской общественной мысли // Власть. 2012. № 12. С. 79.

8 Malozemov A. Russian Far Eastern Policy 1881–1904 with special emphasis on the causes of the Russian-Japanese War Berkeley; Los-Angeles, 1958.

как на русском (это и сделало его монографию заметным явлением), так и на европейских языках⁹. Для самого автора диссертация являлась своеобразным откликом на опубликованную в 1947 г. книгу Бориса Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907)» (второе ее издание вышло уже в 1955).

Главным предметом анализа Малозёмова становятся концепции, обосновывавшие продвижение России на Дальний Восток. Из их творцов автор выделяет довольно узкую группу «восточников», которых противопоставляет «евразийцам»¹⁰. Смысл, вкладываемый Малозёмовым в понятие «восточник», не тождественен тому, который вкладывал в это слово С.Н. Сыромятников, противопоставлявший свое «восточничество» — «западничеству»¹¹. Он понимал первое довольно широко, хотя, как справедливо отмечает Б.В. Межуев, для Сыромятникова использование слова «восточник» носит в известном смысле случайный характер.

Вообще, тенденция «вписать» восточничество в какое-либо более известное или более оформленное течение общественной мысли очень характерна для исследователей. Например, Мануэль Саркисянц называет Э.Э. Ухтомского «неославянофилом»¹², склонным к идеям панмонголизма¹³. Современный американский исследователь Дэвид Схиммельпэннинк ван дер Ойе определяет «восточничество» как своеобразную инверсию панславизма¹⁴.

Между тем, «восточники» сами отделяли себя от остальных течений. Князь Эспер Эсперович Ухтомский, например, отмежевывался от панмонголизма и писал о немногочисленности своих сторонников. Один из современников Э.Э. Ухтомского, историк и публицист, исследователь Сибири П.М. Головачев также был склонен выделять «восточничество» в самостоятельную группу, хотя и находил их связь с другими, более поздними течениями: «Сравнительно немногочисленные представители одной группы полагают, что Россия находится в духовном родстве с Востоком, связана с ним

Андрей Малозёмов (1910–1952) — выходец из семьи русских эмигрантов, в 1930-е гг. учился в Калифорнийском университете, специализировался на истории России. В течение 10 лет Малозёмов готовил диссертацию по дальневосточной политике Петербурга второй половины XIX — начала XX вв, которая вышла в свет усилиями матери автора, литературоведа Екатерины Малозёмовой спустя шесть лет после его смерти.

общностью традиций <...> Этот взгляд является как бы дальнейшим развитием взглядов славянофилов и панславистов»¹⁵.

Интересное замечание сделал Межуев. Он обращает внимание на то, что «восточничество» евразийцев имеет совершенно другой смысл, нежели у самих «восточников»: «Впоследствии термин “восточничество” без всякого соотнесения с геополитическими исканиями рубежа веков воскрес в евразийском движении»¹⁶.

Таким образом, первый вопрос, который возникает при попытке определения «восточничества», — можно ли его считать самостоятельным течением мысли, либо это часть панмонголизма или евразийства, или это специфическая форма «неославянофильства» и панславизма. Второй, и не праздный вопрос: были ли «восточники» агрессивным течением, или напротив, это — сторонники мирного проникновения на Дальний Восток.

Часть исследователей склонны выделять восточников именно по этому признаку. Малозёмов считает, что идеология восточников сама по себе не вела к захватнической политике России на Дальнем Востоке¹⁷. Схиммельпэннинк ван дер Ойе отмечает, что «восточники настаивали на большом присутствии на Востоке, но они резко возражали против завоевания, которое, в любом случае, было абсолютно ненужно»¹⁸. Весьма важное наблюдение делает Игорь Лукоянов. Он приходит к выводу, что разочарование Николая II в «восточничестве» было связано как раз с тем,

«ВОСТОЧНИКИ» ЧАЩЕ ВСЕГО ПИШУТ ОБ «АЗИИ», ПОДРАЗУМЕВАЯ ПОД НЕЙ МОНГОЛИЮ, КОРЕЮ И КИТАЙ

9 Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 56–57.

10 Malozetow A. Указ. соч. С. 46.

11 Межуев Б. В. Указ. соч.

12 Саркисянц М. Россия и мессианизм: К «русской идее» Н. А. Бердяева / Перевод с нем. СПб.: Изд-во С. — Петерб. ун-та, 2005. С. 215.

13 Там же. С. 214.

14 Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Повторить подвиги Кортеса? Российское «восточничество» на рубеже XIX–XX веков // Рубежи. 1998. № 2. С. 41–43; Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 86–87.

15 Головачев П. М. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904. С. 7–8.

16 Межуев Б. В. Указ. соч.

17 Malozetow A. Указ. соч. С. 51.

18 Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу... С. 72.

что в 1902 г. С. Ю. Витте призвал снизить активность на Дальнем Востоке и даже предложил изменить первоначальный проект строительства КВЖД¹⁹. Также и Межуев считает «восточников» сторонниками мирной политики на Дальнем Востоке.

Другие исследователи видят ситуацию иначе. Т. А. Филиппова, например, пишет, что в 1880-е — 90-е годы концепцию дальневосточной политики России определяли две группировки. «Рационализм» западной ориентации и стремление упрочить свое место в рамках «европейского концерта» сосуществовали и соперничали в правительственных сферах с хорошо аргументированным «иррационализмом» энергичного «мессианства» «восточников», сторонников активной политики в Азии. Первую геополитическую ориентацию представляло большинство министров иностранных дел (от Нессельроде до Сазонова), как правило, при поддержке министров финансов (Рейтерна, Бунге, Вышнеградского, Витте, хотя и их позиция не всегда была однозначной). Вторую позицию чаще всего озвучивали представители военного ведомства, настроенные более радикально и готовые к наступательному курсу в Азии и на Балканах даже под угрозой «раздружиться» с европейскими «партнерами» (Н. П. Игнатьев, ген. Черняев, фон Кауфман)²⁰.

Наконец, еще один вопрос — насколько были влиятельны «восточники» при определении дальневосточной политики России. Саркисянц, например, сомневался в их значимости и влиянии²¹. Малозёмов, напротив, отмечает, что «Из-за их популярности и распространенности в русских культурных и официальных кругах <...> они представляли сильную идеологическую поддержку интересу России на Дальнем Востоке»²². По мнению Схиммельпэннинка, «несмотря на свою немногочисленность, восточники имели большое влияние»²³. Правда, он же отмечает, что «восточничество Ухтомского никогда не было основным движущим фактором российской политики на Дальнем Востоке». Также

и В. В. Суворов отмечает, что ««восточничество» в силу дружеских отношений Ухтомского и Николая II в первые годы его правления было достаточно влиятельным и перспективным направлением. Однако оно под влиянием необдуманных действий России на Дальнем Востоке, особенно после русско-японской войны, постепенно уступило место представлениям о «желтой опасности»²⁴.

Таким образом, возникает довольно парадоксальная ситуация. Немногочисленная, но, по мнению большинства исследователей, влиятельная группа «восточников» упоминается практически всеми современными исследователями дальневосточной политики Российской империи конца XIX — начала XX в. Однако представления о ней у всех разные. Попробуем выявить, что объединяет этих самых «восточников» и какова была их идеология.

Во-первых, как представляется, речь все же должна идти о «дальневосточниках», и в этом отношении за скобками остаются как «греза об Индии», «мечта о Царьграде», так и «еврейское восточничество».

МАЛОЗЁМОВ СЧИТАЕТ, ЧТО ИДЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНИКОВ САМА ПО СЕБЕ НЕ ВЕЛА К ЗАХВАТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В энциклопедиях этого времени «Азия» практически не разделяется — в отношении к «азиатским землям» нет явного выделения каких-либо народов и территорий, но создается образ некоего однородного, крайне религиозного и отсталого в культурном отношении населения Востока. В Новом энциклопедическом словаре, издавав-

шемся с конца 80-х и в начале 90-х годов XIX в., географ А. А. Григорьев в статье «Азия» пишет, что «среди народов Азии некоторые племена почти совершенно не затронуты культурой, а, хотя большинство азиатских народов принадлежит к культурным, их культура отличается от европейской (исключение — японцы), в Азии важны традиции и религия, и наука азиатских народов сводится преимущественно к изучению и толкованию древних, главным образом, священных книг и не имеет ничего общего со свободным исследованием европейцев, однако большинство народностей Азии идет следом за Японией и начало приобщаться к европейской цивилизации и находятся в стадии перехода к смешанной культуре, объединяющей новое европейское со старым азиатским»²⁵.

19 Лукоянов И. Д. Указ. соч. С. 445.

20 Филиппова Т. А. В царстве «Белого Царя»: Приоритеты поздней империи (1880–1890-е годы) // В кн.: «Россия: государственный приоритет и национальные интересы». М.: РОССПЭН, 1999. С. 7.

21 Саркисянц М. Указ. соч. С. 199.

22 Malozetow A. Указ. соч. С. 43.

23 Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Повторить подвиги Кортеса? Российское «восточничество» на рубеже XIX–XX веков // Рубежи. 1998. № 2. С. 41–43; Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу... С. 73.

24 Суворов В. В. Место «восточничества» в российской общественной мысли. // Власть. 2012. № 12. С. 79–80.

25 Чач Е. А. Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века. Канд. дисс. Санкт-Петербургский ун-т. СПб., 2012. С. 95.

«Восточники» чаще всего пишут об «Азии», подразумевая под ней Монголию, Корею и Китай. Япония, также упоминаемая в этом контексте, остальной — миролюбивой и отсталой в культурном отношении Азии — противопоставляется как страна агрессивная, «коварная» и склонная к усвоению европейских культурных ценностей. Таким образом, в своем понимании «Азии» «восточники» отражают определенные представления русского общества, сложившиеся в 80-е годы.

«Японская» тема начинает выделяться в самостоятельную в русской периодической печати с 80-х годов XIX в. «Отделение» Японии от остального «желтого» мира приходится на начало 90-х годов XIX века. Причем отделение идет достаточно резкое — по принципу противопоставления. Если остальные страны воспринимаются как «мирные», то Япония представляется традиционно воинственной²⁶, способной не ассимилироваться, а быстро перенять европейскую культуру и развиваться как в экономическом, так и военном отношении.

«Все иноземные народы, кроме Японского, инстинктивно почувствовали дотоле безсознательное тяготение свое к милосердному и могучему Белому Царю, столь не похожему на других, своекорыстных и жадных пришельцев с Запада»²⁷, — так передает Э. Э Ухтомский свое впечатление о Дальнем Востоке во время путешествия Цесаревича Николая Александровича. Причиной тому стал отнюдь не инцидент в Оцу, — путешествие и без того было полно мелких и крупных недоразумений и конфузов. Однако Ухтомский совершенно инстинктивно выделяет Японию из «желтого мира», понимая, что это — главный соперник России на Дальнем Востоке. Остальной Дальний Восток представляется князю единым и тяготеющим к Белому царю. Такое представление, как уже отмечалось, было совершенно в духе времени. Воплощением такого понимания мира стали путешествие Цесаревича на Восток и закладка во время этого путешествия железной дороги, которая должна была соединить Европу и Азию.

Главным инициатором прокладки этой железной дороги считается С. Ю. Витте. До 1892 г. он не проявлял особого интереса к Дальнему Востоку. Но в 1892 Витте последовательно сменил кресло министра путей сообщения на кресло министра финансов, его политическая активность, естественно, возросла. Внимание Витте к Дальнему Востоку было связано с постройкой Сибирской железной дороги. В ноябре 1892 г. в своем докладе, касаясь этого вопроса, Витте утверждал, «что предпринимаемый «переворот в направлении сообщений между Европой и азиатским востоком» последует

Ционглинский Я. Ф. Портрет С. Н. Сыромятникова. (1896. Холст, масло; 48,5 x 38,5). Национальный Музей, Варшава. (Выставлялся на 4-ой выставке «Независимых» в СПб в 1897 (кат. № 67. «Портрет Г-на Сизмы»)).

в пользу России «не только как посредника в торговом обмене», но и как «крупного производителя и потребителя, ближе всего стоящего к народам азиатского Востока»²⁸. Таким образом, интерес Витте к Востоку был чисто экономический — постройка железной дороги будет означать «коренной переворот», потому что откроет русскому капиталу доступ к внутренним провинциям Китая, что увеличит «емкость рынка сбыта для промышленной продукции центральной России не менее, как вдвое»²⁹, с одной стороны, и позволит России составить конкуренцию Англии в чайной торговле, с другой.

Идеология и практика «мирного проникновения»

Как указывает Е. В. Тарле, «основой всех воззрений Витте на внешнюю политику является глубокое убеждение, что Россия не может и не должна воевать»³⁰. Так же, очевидно, мыслил дальневосточную политику Российской империи и сам Государь. В рескрипте 14 января 1893 г. на имя Цесаревича Николая Александровича Александр III подчеркивал, что «наследнику престола поручается “привести это дело мира и просветительской задачи России на Востоке к концу”»³¹. Министр путей

²⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 17 февраля 1895. С. 3.

²⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 18 февраля 1896. С. 1.

²⁸ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907 гг. М.; Л., 1947. С. 23.

²⁹ Там же. С. 25.

³⁰ Тарле Е. В. Указ. соч. С. 10.

³¹ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. С. 322.

сообщения М.И. Хилков также отмечал, что «железная дорога объединит две культуры — культуру Запада и культуру Востока»³².

Не прошел мимо этой мысли и Э.Э. Ухтомский, сравнивавший «окно в Европу» Петра I и «железный мост» между Европой и Азией»³³. Таким образом, первой мыслью «восточников» была необходимость экономического освоения российского Дальнего Востока и «соединения» азиатской части России с европейской посредством железной дороги.

Второй важной мыслью «восточников», вытекавшей из первой, было создание буферного пространства на границе с Китайской империей. В него должны были войти Монголия, Корея и часть северного Китая.

Надо отметить, что Монголия в то время уже хорошо известна в России — появляются исследования Н.Я. Бичурина, О.М. Ковалевского, И.Я. Шмидта и других исследователей. С созданием в 1850-е годы Восточно-Сибирского и Приамурского отделов Русского географического общества возникло академическое и прикладное монголоведение в Кяхте, Верхнеудинске (Улан-Удэ), Владивостоке, Иркутске³⁴.

Однако в прессе Монголия упоминалась редко и вскользь, просто как этническая родина бурят. Буряты вошли в состав русского государства уже давно и добровольно: «Сибирские инородцы, ныне именуемые бурятами, суть монголы и по собственному желанию страну свою отдали России, не стали укореняться во Внутреннюю Монголию и сделались подданными русского царя»³⁵. В 1727 году в Кяхте был заключен «Русско-китайский договор о границе», и переход бурят в российское подданство был закреплен юридически.

В этом контексте совершенно очевидно, что Монголия³⁶, «этническая родина бурят», воспринималась как естественная сфера влияния Российской империи.

Актуализируется «монгольская тема» довольно неожиданно. Связано это с именем Жамсарана (Петра Александровича) Бадмаева.

После нескольких поездок в Монголию, Китай и на Тибет, 13 февраля 1893 г. П. А. Бадмаев подал С. Ю. Витте записку на имя Александра III «О задачах русской политики на азиатском Востоке», в которой говорилось, что «положение России на

В знаменитом «Путешествии Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891)», говоря о Монголии, Ухтомский указывал: «Давно пора ввести в ней лучшее управление, не столь разорительное для населения, — давно пора воспользоваться естественными ее условиями для развития скотоводства в обширных размерах! Кочевники недовольны пекинским игом».

Петр (Жамсаран) Бадмаев (дата рождения точно неизвестна — 1920) имел два образования — востоковедческое и медицинское. Сотрудник Азиатского департамента и придворный врач. Практиковал тибетскую медицину.

Востоке в скором времени должно существенно измениться, благодаря железной дороге, в смысле более тесного соприкосновения с жизнью и интересами Востока.

Но заботиться о делах Востока следует не лихорадочно, не порывами, а последовательно, имея в виду, главным образом, историческое наше призвание, так как имя Белого царя пользуется на Востоке обаянием, благодаря историческим отношениям России к народам Востока в духе евангельского учения»³⁷.

Записка привлекла внимание Витте, он поддержал план Бадмаева как содержащий рациональное зерно, показывающий «новую точку зрения на практику в политике»³⁸. Убедив Александра III, что Транссибирская железная дорога будет иметь огромное значение для отношений России с Востоком, а также со всей Европой, Витте стал настаивать на немедленном выполнении плана Бадмаева.

Кроме постройки железной дороги план этот предполагал присоединение Тибета «к России вместе с Китаем и Монголией»³⁹, путем подготовки тайно восстания в провинции Кансу против маньчжурской династии, для чего требовалось вооружить коренное население. После победы такого восстания его вожди, по мнению Бадмаева, должны были просить русского царя взять их под свое покровительство, и таким образом большая часть Центральной Азии оказалась бы подчинена России без кровопролития. Для выполнения этой

³² Там же.

³³ Санкт-Петербургские ведомости. 13 января 1904. С. 1.

³⁴ Попов А. В. Россия и Монголия в XVII – начале XX века // Россия и Восток / Под ред. С. М. Иванова, Б. Н. Мельниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 335.

³⁵ Сахаров Ц. История перекочевки в Баргузин в 1740 году баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Ондreja Шибищева // Бурятские летописи / Составители: д. и. н., проф. Ц. П. Ванчикова, д. и. н., проф. Ш. Б. Чимитдоржиев, к. и. н. М. В. Аюшева. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2011. С. 140.

³⁶ До 1911 г. Монголия была под властью всекитайской империи Цин.

³⁷ Бадмаев П. А. За кулисами царизма / Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С. 49.

³⁸ Malozetow A. Указ. соч. С. 48.

³⁹ Бадмаев П. А. Россия и Китай. СПб. 1905. С. 16.

части плана предполагалось направить в Маньчжурию преданных Бадмаеву бурят — под видом предпринимателей они должны были вести пропаганду и вооружать местное население.

Имелось также в виду, что деятельность Бадмаева и его предприятий «будет особенно направлена к усилению экономического и политического влияния России в г. Лань-чжоу-фу и что оттуда это влияние будет распространяться на смежные области Китая»⁴⁰.

Испросив 2 млн. рублей займа, Бадмаев отправился в Пекин. Однако с реализацией плана вышла заминка. Бадмаев организывает в Чите типографию, и с ноября 1895 г. здесь издается газета на русском и монголо-бурятском языках «Жизнь на Восточной окраине», которая «задается целью разрабатывать вопросы, касающиеся Забайкалья <...> в сельско-хозяйственном, торгово-промышленном, политико-экономическом аспектах»⁴¹. Что же касается подготовки восстания среди местного населения, то, получив оружие, «туземцы» скрывались, не желая поднимать восстание, а иногда и нападали на скотоводческие предприятия Бадмаева.

Все же Бадмаев не терял оптимизма, и в шифровке из Читы 17 апреля 1896 г. уверенно сообщал: «... Вся Монголия готова без выстрела сейчас же перейти в подданство России, и большинство энергичных и влиятельных людей за меня. Следовательно, о Монголии, Маньчжурии и Тибете не

40 Докладная записка Витте Николаю II о восстании в китайской провинции Гань-Су и о необходимости добиться от китайского правительства разрешения на прокладку железной дороги через Маньчжурию // ГАРФ. Ф. 601, оп. 1, д. 688, л. 2.

41 Санкт-Петербургские ведомости. 8 февраля 1896. С. 1.

стоит и разговаривать: факт присоединения этих стран к России должно считать фактом свершившимся»⁴².

Поначалу вполне благожелательно настроенные к Бадмаеву С. Ю. Витте и Э. Э. Ухтомский к 1895 г. охладевают к нему и фактически прекращают общаться. Тем не менее, его идеи во многом были почти дословным повторением высказываний самого Ухтомского, а его таинственность, склонность к мистификациям и бурятское происхождение придавали этим идеям большую убедительность.

Вполне благожелательно воспринимается «восточниками» Корея. Она не слишком известна в России, хотя первые сведения о «Стране Утренней Свежести» проникли в Россию уже к концу XVII в. В 1861 г. была проведена маркировка российско-корейской границы. В 1865 г. по инициативе Азиатского департамента МИД в Корею была отправлена экспедиция Гельмерсена для выяснения вопроса, какие выгоды могла бы извлечь Россия из торговли с этой страной. Результатом экспедиции стал рапорт, в котором говорилось, что «относительно начатия торговых сношений <...> они уже существуют в той мере, в какой дозволяют средства пограничных корейцев и еще неразвитое и незаселенное состояние нашего соседнего с Кореею порта <...> Корейцы выселяются, переходят взад и вперед границу, являются на ближние ярмарки и им никто ничего не говорит.<...> Таким путем скорее всего установятся пограничные сношения и торговля. Если же мы поторопимся завести без особой крайности официальные сношения, то остановим только естественный ход дела, возбудим противодействие в корейских властях, более бдительный надзор за желающими выселиться в Приморскую область и препятствия к содержанию пограничных торговых сношений между жителями. Усилия, которые мы должны будем употребить тогда для преодоления всех вышеизложенных препятствий, послужат к открытию Кореи иностранцам и к развитию там их торговли, если только бедность этой страны тому не воспрепятствует»⁴³.

Таким образом, в начале 1880-х годов распространяются две идеи — что многие дальневосточные народы хотят перейти под руку Белого Царя и что «Россия — культурный миссионер на Востоке».

Относительно первой концепции А. Малозёмов полагал, что она получает распространение после 1887 г., в связи с опубликованием отчетов

42 Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С. Ю. Витте о политике России на Дальнем Востоке в Китае и Монголии. // ГАРФ. Ф. 601, оп. 1, д. 700, л. 5 об.

43 Донесение посланника в Пекине Влангали директору Азиатского Департамента МИД Стремоухову. Пекин, 1/13 марта 1866 г. № 13 // Цит. по: Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея (1876–1898). Докт. дисс. М., 2006. С. 101–102.

Китайский извозчикъ (джеперикша).

о путешествии Н.М. Пржевальского, под влиянием которых заинтересованные читатели «считали русскую культуру более близко связанной с Востоком, чем с Западом и находили, что историческая миссия России — слиться с Востоком, присоединив его к Российской империи»⁴⁴. Однако, как видим, идея была сформулирована раньше и к концу 80-х годов уже казалась непреложной истиной.

Что касается второй концепции — о культурной миссии России на Востоке, то в полном и стройном виде она была изложена выдающимся русским синологом В.П. Васильевым в цикле публичных лекций, прочитанных в 1883 г. в Санкт-Петербургском университете. Смысл заключался в том, что, во-первых, в Азии, предоставленной самой себе, «всюду запустение, гнет, резня <...> Если где еще для сердца представляется отрадное явление, так это в той части Азии, в которой пришлось действовать нам, русским»⁴⁵. Во вторых, по мнению Васильева, вмешательство русских в дела «Азии» было гораздо более плодотворным, нежели аналогичные попытки европейцев, потому что русские в Азии в отличие от остальных европейцев являлись «не как завоеватели, а как освободители от тирании, междоусобия и безсилия»⁴⁶.

Таким образом, идеи «восточников» частично были сформулированы еще в 1880-е годы. При-

чем авторами становились безусловные научные авторитеты, связанные с Санкт-Петербургским университетом, в котором обучались и Ухтомский, и Бадмаев. К середине 90-х годов Ухтомский уже сформулировал собственную концепцию. «Любимая» идея Ухтомского, — о которой с такой насмешкой отзывались многие современники, считая князя чудачком⁴⁷, — была создание Желтороссии. Желтороссия для Ухтомского — присоединение Маньчжурии, Монголии и Северного Китая к России «при минимуме жертв и затрат с совершенно мирными целями»⁴⁸. Вообще, «Россия и восточные миры — одно по идее и неразрывное целое, лишь временно не находящее безусловного единения частей». В основу концепции Ухтомского легли идеи о том, что Россия — «самое европейское из азиатских государств», и ей ближе Азия, чем Европа; историческая миссия России — «просветить» Азию, ознакомив с новыми достижениями европейской культуры. С другой стороны, местное население миролюбиво вообще и к русским, в частности, относится особенно дружелюбно; в Маньчжурии и Китае популярна идея Белого царя, который — не что иное, как русский царь, и многие народы — маньчжуры, буряты — мечтают стать его подданными. Одновременно говорится о том, что наша политика — не политика захватов, а «политика колонизации»: проникая на Восток, мы не разрушаем

⁴⁴ Malozetow A. Указ. соч. С. 46.

⁴⁵ Васильев В.П. Современное положение Азии. — Китайский прогресс. СПб., 1883. С. 1.

⁴⁶ Там же. С. 3.

⁴⁷ Malozetow A. Указ. соч. С. 44.

⁴⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 6 января 1895. С. 1.

местную национальную культуру, а помогаем «туземцам» освоить богатства края с помощью новейших достижений технического прогресса. Удивительно своевременная концепция, если учесть, что в Корее начинается борьба за модернизацию, а в Китае — борьба против Цинской династии.

22 мая (3 июня) 1896 г. в Москве был подписан Союзный договор между Россией и Китаем. В предвкушении этого договора Э.Э. Ухтомский разражается огромными статьями, в которых пишет: «Нам нужны широкие горизонты: у всякого народа с мировым значением искони существовала глубочайшая уверенность в своем историческом призвании быть выше и лучше других. Она и у нас есть в бесформенном определении себя каким-то новым обособленным миром, который вмещает и объединяет в недрах своей души культурно разделяемые бездной Восток и Запад»⁴⁹. На Востоке открыт поразительный простор деятельности русских: «Результаты государственного движения в Азии рисуются уже в данный момент с наилучшей стороны: сотни и тысячи из так называемых “лишних” людей разнородного типа и слоя населения находят и все шире будут находить за Каспием и Уралом применение знанию своему и энергии»⁵⁰.

Словом, Россия должна «идти на Восток, и окончательно преградить доступ в империю богдоханов, доступ всякой иноземщине»⁵¹.

11 февраля 1896 г. в редакционной статье появляется, наконец, развернутая программа действий на Дальнем Востоке: «В интересах <...> правильного развития призываемого к жизни Востока <...> требуется фактическая независимость Кореи и приобретение Россией на Востоке открытого порта вне Японского моря». Причем газета настаивает на приобретении порта и в связи с железной дорогой: «Государству, занимающему 1/6 часть всего земного шара, примириться с неимением хотя бы одного совершенно не замерзающего и совершенно открытого порта так же невозможно, как невозможно примириться с тем, что 8.000-верстный железнодорожный путь, соединяющий Европу с Тихим Океаном, имел конечный пункт, закрытый для навигации в течение нескольких месяцев ежегодно, не говоря уже о том, что пути из этого порта в океан легко могут быть в военное время закрыты для нас неприятелем»⁵².

49 Там же. С. 6.

50 Там же.

51 Санкт-Петербургские ведомости. 6 февраля 1896. С. 1.

52 Санкт-Петербургские Ведомости. 11 февраля 1896. С. 1.

Момент триумфа и первые вызовы

Весной 1896 г. Витте удалось получить согласие приехавшего в Петербург Ли Хунчжана на проведение Китайской восточной железной дороги. Однако летом 1897 г. «иноземщина» все же проникает в Китай: немцы занимают Циндао, затем Цзяо-Чжоу, сами китайцы начинают сотрудничать с англичанами, а в России сменяется министр иностранных дел — на место умершего А.Б. Лобанова-Ростовского назначается М.Н. Муравьев.

Большие изменения происходят в восприятии Китая. Один из первых, кто предупреждает на этом этапе о возможной «китайской опасности», — П.А. Бадмаев. 27 февраля 1897 г. он обращается к Николаю II с запиской, в которой сказано, что «вследствие быстрого решения вопроса о постройке маньчжурской железной дороги могут возникнуть осложнения в Китае»⁵³.

1897 г. в известной степени стал началом кризиса «восточничества». Обманутые ожидания способствуют довольно резкому изменению позиции «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Как оказывается, на восточных наших окраинах китайцы являются в той же роли, со всеми ее последствиями, в какой на западных окраинах являются евреи»⁵⁴. Мессианская идея, главным адептом которой по-прежнему выступает Э.Э. Ухтомский, все еще сохраняет свое политическое значение. Однако

и эта позиция претерпевает изменения. Россия должна защитить Китай от тлетворного влияния Запада. Стремясь сформировать общественное мнение, Ухтомский находит новых авторов, чьи статьи близки ему по духу. Например, в статье М. Соловьева отмечалось, что «на протяжении своей северной и западной границы Китай крепко спаян с Россией, до такой степени, что сливается с ней в инородческих племенах, живущих по обе стороны границы и подвергающихся одновременно влиянию русской и китайской государственности и цивилизации»⁵⁵. Другой автор — Н. Катанов — также пишет о том, что население пограничных районов испытывает к России большую привязанность,

53 Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С.Ю. Витте о политике России на Дальнем Востоке в Китае и Монголии. // ГАРФ. Ф. 601, оп. 1, д. 700, л. 5 об.

54 Гурьев Г. Очерки сибирской жизни // Санкт-Петербургские Ведомости. 14 февраля 1897. С. 3.

55 Соловьев М. Восток Дальний и Восток Ближний // Санкт-Петербургские ведомости. 18 февраля 1897. С. 3.

хорошо знакомо с русским языком»⁵⁶. Однако после событий 1898 г. князь остается в явном меньшинстве. Статьи о Китае потихоньку уходят с первой страницы газеты. Да и его собственная позиция меняется, что отчетливо проявляется в укоризненном тоне статьи «О Китае»⁵⁷.

После смерти М. Н. Муравьева 8 июня 1900 г. С. Ю. Витте рекомендовал царю В. Н. Ламздорфа, и на следующий день Государь назначил его временно управляющим министерством, а 25 декабря 1900 г. — министром. Назначение В. Н. Ламздорфа ненадолго оживило «восточников», однако события боксерского восстания неизбежно внесли коррективы в их взгляды. Надо отметить, что даже русскими, находящимися в Пекине, восстание первоначально воспринималось как антианглийское и антинемецкое, но никак не антирусское⁵⁸.

Обратимся к брошюрам, написанным Ухтомским в это время: они получили широкое распространение как самостоятельные дешевые издания, а также были напечатаны газетой «Санкт-Петербургские ведомости».

В 1900 г. выходит брошюра «К событиям в Китае». «Мы нередко жаждем приключений, в силу собственного своего национального характера, ищем случая предпринимать за частую всякие дикие “хождения за три моря”, украшаем свои и чужие музеи результатами экспедиций в такие края, где русскому пионеру положительно нечего делать и наряду с тем равнодушны к осуществлению прямых и непосредственных государственных задач в пределах Азии, которая ведь, строго говоря, в полном объеме есть та же Россия, но только удостаивающаяся еще меньшего внимания со стороны русских образованных людей и деятелей вообще, чем многие внутренние области и довольно глухие окраины нашего неоглядного отечества. Между тем, неотложно приходит пора иначе взирать на вещи, глубже всмотреться в Азию, считать изучение ее делом первостепенной важности и необходимости.

Мы, русские, будучи по престижу первые в Азии, добровольно пока уступаем кому придется, свою историческую роль и завещанную предками миссию главарей Востока»⁵⁹: фраза, почти целиком переписанная из «Путешествия».

В 1900 году Ухтомский не выдвигает практически никаких свежих идей — в дело идут старые, почти десятилетней давности. Видимо, это в какой-то степени отражало настроение князя, который не понял, что обстановка изменилась коренным

Из книги князя Эспера Ухтомского «К событиям в Китае»: «Когда неведение по этой гаси с годами рассеется, мы естественно придем к сознательно-непреклонному убеждению, что Тот, на чьем теле магическими лугами слитые воедино венцы великих Князей Югорского, Пермского и Болкарского на Волге, Царей Казанского, Астраханского и Сибирского, — чьи предки еще в Белокаменной издавна велигались “вся северные страны повелителями и иных многих великих государств государями и обладателями”, является единственным настоящим вершителем судеб Востока. Крылья Русского Орла слишком широко прикрыли его, чтобы оставлять в том малейшее сомнение. В организеской связи с этими благодатными краями — залог нашего будущего».

образом, и воспринимал Восток как нечто раз и навсегда данное.

Меняется и тон следующей брошюры Ухтомского: «Состояние Маньчжурии более чем печально и двусмысленно. Необходимо безотлагательное попечение об этом крае, способном при данных условиях обратиться в пустыню. Им нельзя толком управлять, пока он или не присоединится окончательно, вопреки до смешного дерзкому англо-германскому соглашению, или не умиротворен богдыханскими указами. Среднего пути нет <...> но вернуть в Пекин маньчжурскую династию после разграбления ее дворцов пока немыслимо — параллельно же с тем мы будем изнемогать от непроизводительных жертв и, в силу вещей, неизбежного отсутствия определенных планов»⁶⁰.

Как видим, Ухтомский прямо и недвусмысленно высказывается за присоединение Маньчжурии. Здесь он не одинок. Как пишет Витте, генерал Куропаткин, недавно назначенный военным министром, рассматривал боксерское восстание как повод захватить Маньчжурию, сделать из нее нечто вроде Бухары⁶¹.

Постепенно, с начала боксерского восстания все большее распространение получает идея «присоединения» Маньчжурии. Однако для «восточников» оно не мыслилось как военный захват. Они представляли себе «присоединение» через культуртрегерство, экономическое освоение края. Наконец, С. Ю. Витте предлагает активизировать практику переселения крестьян на восточные окраины:

56 Катанов Н. Русский язык в Китае // Санкт-Петербургские ведомости. 14 февраля 1897. С. 1.

57 Санкт-Петербургские Ведомости. 8 января 1898. С. 3.

58 См.: Жукова Л. В. Дипломаты в осаде // Дипломатическая служба. Научно-практический журнал. 2011. № 4. С. 74–78.

59 Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае. СПб., 1900. С. 43.

60 Ухтомский Э. Э. Из китайских писем. СПб., 1901. С. 24.

61 Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Таллинн; М.: Скиф Алекс, 1994. Т. 2. (1894 – октябрь 1905) Царствование Николая II / Коммент. А. В. Игнатьева и А. Г. Голикова. С. 174.

«Для того чтобы в предстоящей в будущем борьбе с желтой расой выйти победителями, нам надо создать на границах наших с Китаем оплот из русского населения, которое само в состоянии было бы выставить достаточную силу для защиты как своего достояния, так и интересов Империи. В противном случае вновь придется посылать войска из Европейской России, опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины, вынести на своих плечах разрешение назревающих на Дальнем Востоке вопросов, а крестьянину черноземной полосы или западных губерний придется идти сражаться за чуждые, непонятные ему интересы отстоящих от него на тысячи верст областей»⁶².

Практически одновременно начинается «демонтаж» классического «восточничества».

После поездки на Дальний Восток осенью 1902 г. на совещании в Ялте 27 октября 1902 г. Витте «отверг необходимость всякой активности России даже в Маньчжурии, а для укрепления позиций на Дальнем Востоке министр финансов предложил построить исключительно по российской территории железную дорогу вдоль р. Амура». Фактически он «предложил вообще прекратить всякие энергичные действия на Дальнем Востоке и отступать по всем направлениям. Возможно, что для царя подобная дилемма впервые прозвучала так разочаровывающе определенно и остро»⁶³. Отходит от своей мессианской идеи и князь Ухтомский: «Китай <...> не в состоянии был бы оценить нашего великодушия <...> а Запад <...> проникнут к нам неисцелимою неприязнью»⁶⁴.

В то же время целый ряд авторов использует мессианство в другом, откровенно агрессивном контексте. Так, в январе 1902 г. несколько газет («Новый край», «Восточное обозрение») публикуют статью И. С. Левитова «Первый нумер желтой опасности», а в 1903 г. выходит его брошюра «Желтый Босфор»⁶⁵. Он использовал термин «Желтороссия», призывая к захватнической политике на Дальнем Востоке и обосновывая необходимость этих захватов разными доводами⁶⁶. Левитов пишет об угрозе миграции корейцев и китайцев на русский Дальний Восток, о «панмонголизме» японцев, о религиозном противостоянии и, наконец, о войне белой и желтой рас.

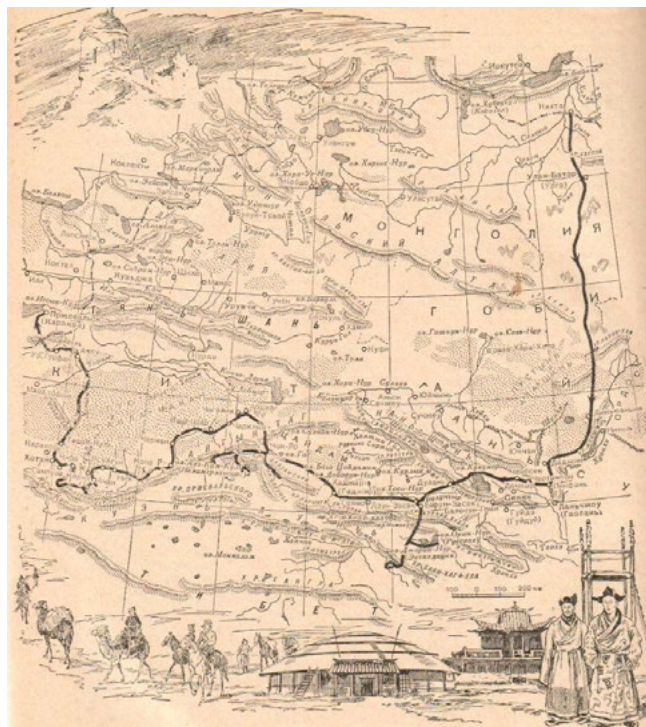
62 Всеподданный доклад министра финансов С.Ю. Витте // РГИА. Ф. 560, оп. 22, д. 267, л. 8–9.

63 Лукашова И. В. Указ. соч. С. 445.

64 Санкт-Петербургские Ведомости. 21 января 1902. С. 3.

65 Об этом см.: Жукова Л. В. Идеологическое оформление дальневосточной политики Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. // Общественное сознание в кризисные и переходные эпохи: Сборник материалов к научной конференции в рамках Ломоносовских чтений 1996 г. на историческом факультете МГУ. М., 1996. С. 33–36.

66 Левитов И. С. Желтороссия как буферная колония. СПб., 1905.

Сторонников мирной политики в Китае остается все меньше. Даже Ухтомский в этот момент занимает двойственную позицию. «Санкт-Петербургские ведомости» уверяют, что не правы те китайские газеты, которые «хотят видеть приготовления Китая к войне с Россией»⁶⁷. В то же время газета помещает статью Сергея Трубецкого, который «защищает» Китай на свой лад. По его мнению, агрессия Китая растет не сама по себе, а из-за вмешательства в их отношения Японии — «передового поста монгольского, азиатского мира»⁶⁸. Сам Ухтомский не может принять «панмонголизма» как идеи, глубоко чуждой всем его представлениям. «Никакого панмонголизма, никакой “Азии для азиатов”, никакой Японии, действительно способной направить пробужденный Восток против Европы, по моему и нет, и быть не может. Все те идеи мирового господства (в пределах Старого Света), которыми жили и дышали величайшие монархи древнего мира и средневековья, всецело перешли в кровь и плоть русского народа, после столетий единоборства с татарами»⁶⁹.

Голос князя тонет в многочисленных враждебных публикациях, а начавшаяся русско-японская война пресекает любую возможность дискуссии.

30 мая 1905 г. И. С. Левитов обратился к Ухтомскому с письмом. Выражая радость по поводу «толков о мире», Иван Семенович ненавязчиво

67 Санкт-Петербургские ведомости. 10 декабря 1903. С. 3.

68 Санкт-Петербургские ведомости. 24 января 1904. С. 1.

69 Перед грозным будущим: К русско-японскому столкновению. СПб. 1904. С. 7. Брошюра печаталась также в газете с № 24 от 25 января 1904 г. на первых страницах.

упоминал о своем разговоре с генералом Алексеевым и просил князя переговорить с принцем Ольденбургским, чтобы разрешили «прочитать одну лекцию для народа в народном доме с целью выяснить ему значение для нас мира и при каких условиях мы можем заключить его»⁷⁰. Левитов заверял Ухтомского, что не такой он человек, «чтобы воспользоваться и пропагандировать какие-нибудь вредные для государства идеи».

Однако князь, в раздражении, смял письмо и бросил в мусорную корзину. «Санкт-Петербургские ведомости» больше не пишут о Востоке. Другой враг — Западная Европа — занимает теперь князя.

Влияние забытой идеологии

Идеи «восточников» были отражением представлений о Востоке, сложившихся в русском обществе в 80-е годы XIX в. Несмотря на то, что «восточники» не только имели научные сведения о Востоке, но и неоднократно бывали там, они мыслили вполне в русле этих представлений, разрабатывая собственные концепции в духе «tout le monde dit» [«все говорят», общеизвестное. — Ред.]. Их идеи использовались впоследствии, приобретая иное, гораздо более определенное и агрессивное звучание. Именно употребление лексики «восточников» сторонниками «желтой опасности», появившимися несколько позднее, заставляет ряд исследователей усматривать четко выраженную агрессивность в самих «восточниках». Между тем, сами они были, как ни странно, это покажется, идеалистами, не понимая, к чему могут привести их теоретические построения, доведенные до логического конца. Отсюда — и раздражение Э.Э. Ухтомского против И.С. Левитова, и ссора с П.А. Бадмаевым.

Вопрос в том, насколько «восточники» были влиятельны. Думается, безоговорочно признавать их влияние было бы не совсем правильно.

Оценивая дальневосточную политику С.Ю. Витте, Е.В. Тарле отмечает, что в 1895–1896 гг. она сводилась к охранению территориальной целостности Китая, решающему влиянию России в Пекине на центральное китайское правительство, финансовой опеке над Китаем, получению концессии на проведение железной дороги через Северную

Маньчжурию. Но при этом ни в коем случае не захватывать ни одной пяди китайской территории. Витте настаивает, что это была мирная политика, основанная на обоюдных интересах, на дружеских, а в будущем, может быть, и союзных отношениях России и Китая. Когда ему впоследствии ставили на вид, что он начал дальневосточную политику, которая привела к вражде и войне с Японией, то Витте отвечал, что он не виноват, как не виноват хозяин, который только пригласил своих гостей пообедать, а они напились, пошли в другое место и затеяли там «скандал». Витте полагал, что его политика привела бы к самым лучшим результатам, если бы не захваты, произведенные Германией и Россией в 1897 г.⁷¹.

После провала дальневосточной политики С.Ю. Витте, его положение пошатнулось, и Николай II без сожаления отправляет его «на повышение», одновременно принимая участие в травле бывшего министра⁷². Что касается Э.Э. Ухтомского,

то в литературе для доказательства его влияния на Николая II довольно часто приводится факт назначения князя сопровождающим Цесаревича во время восточного путешествия. Однако, сам Ухтомский отмечает, что был включен в состав экспедиции внезапно, за несколько дней до ее отправления⁷³.

По воспоминаниям князя, в его первом трудоустройстве сыграл особую роль один из его самых обеспеченных од-

нокашников — граф А.Ф. Гейден, будущий вице-адмирал и сын выдающегося русского военачальника, после окончания университета служивший в департаменте духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел. Родовитому и богатому Гейдену наскучило здесь, и в 1884 г. он решил перейти на флот, а вместо себя порекомендовал Э.Э. Ухтомского, с которым сошелся на лекциях В.С. Соловьева⁷⁴.

В 1884 г. Ухтомский сошелся с князем В.П. Мещерским — публицистом и редактором крайне правых взглядов, убежденным монархистом, возглавлявшим «Гражданин». Этот человек имел репутацию члена «ближнего круга» императоров Александра III и Николая II. В.П. Мещерский

В НАЧАЛЕ 1880-Х ГОДОВ РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ ДВЕ ИДЕИ – ЧТО МНОГИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ НАРОДЫ ХОТЯТ ПЕРЕЙТИ ПОД РУКУ БЕЛОГО ЦАРЯ И ЧТО «РОССИЯ – КУЛЬТУРНЫЙ МИССИОНЕР НА ВОСТОКЕ»

70 Письма гр. Арс. Арк. Голенищева-Кутузова, Ал. Серг. Ермолова, Марии Кологривовой, Стан. Кораль, Е. Кудрявцева, Л. Лебедевой, И. Левитова, Л. Леуса, Фридр. Лонье // РГИА. Ф.1072, оп. 1, д. 10, л. 12.

71 Тарле Е. В. Указ. соч.

72 История России в портретах: В 2-х тт. Т. 1. С. 285–308.

73 Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891. СПб; Лейпциг, 1893. Т. 1. Ч. 1. С. 2.

74 Лукьянов С. М. Запись бесед с Э. Э. Ухтомским // Российский архив. Вып. 2. М., 1992. С. 394.

имел свой взгляд на Восток: «Интересы России на Дальнем Востоке — и относительно Китая, и относительно Англии и Америки — требуют не только мира, но и самого полного и оборонительного и наступательного союза с Японией, дабы сообща быть владыками Тихого Океана и вырвать Японию из объятий Англии и Америки»⁷⁵.

Вероятно, Мещерский сыграл роль в осознании Ухтомским определенных положений его внешнеполитической концепции. Во-первых, представление о Китае как о сфере российских интересов. Во-вторых, о неизбежности столкновения уже не с Востоком, а с Западом из-за Востока. В-третьих, это последовательная убежденность не только в возможности, но и в необходимости решать все вопросы мирными средствами. В литературе можно редко встретить мнение о том, что Мещерский сколько-нибудь сильно повлиял на Ухтомского: чаще называют В. С. Соловьева, однако, возможность такого влияния исключать нельзя.

В 1886 г. Ухтомский был отправлен в Забайкалье для выяснения вопроса о конфликтах между православными миссионерами и буддистским духовенством бурят. Он пробыл там почти год, а по возвращении в Петербург подал императору докладную записку с описанием основных проблем, возникающих в связи с христианизацией далекой восточной окраины Российской империи⁷⁶.

Именно «О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье» характеризует позиции Ухтомского на тот момент, когда он только-только начинал стяжать славу востоковеда. Ключевой, центральный пункт в его воззрениях — недопустимость насилия против местного населения как физического, так и морального, через любого рода оскорбления прежних, языческих святынь и неразрывность чисто миссионерской деятельности с постоянной ежедневной работой по обустройству жизни абorigенов, защите их прав.

В 1887 г. Ухтомский снова в Забайкалье. Находясь среди бурят-монголов, Ухтомский решает не просто выполнить свою миссию (проанализировать ход и перспективы христианизации местного населения), но и собрать исторический материал о прошлом этого народа. Он просит племенных старейшин написать «истории» — своеобразные летописи событий в народной памяти.

Александр III заинтересовался талантливым и необычным сотрудником, который, будучи мелким чиновником МВД, развил деятельность на столь оригинальной и малоизученной террито-

Нелюбовь Николая II к Витте настолько часто подчеркивается в исследованиях, что, как кажется, даже не нуждается в доказательствах. «Железнодорожная карьера» Витте началась после крушения царского поезда в Борках, а 1 января 1893 г. Александр III назначил его министром финансов с одновременным производством в тайные советники. Заняв кресло министра финансов, С. Ю. Витте получил большую власть: ему были подчинены департамент железнодорожных дел, торговля, промышленность, и он мог оказывать влияние на решение самых важных вопросов. Панславист, славянофил, сторонник самобытного пути развития России в короткий срок превратился в сторонника скорейшей индустриализации европейского образца. Главным способом этого развития виделась железная дорога.

рии, как Дальний Восток. Возможно, именно это и послужило одной из причин быстрого карьерного роста Ухтомского, который начался вскоре после его возвращения из экспедиции. Уже 1 февраля 1887 г. князь был назначен помощником столоначальника департамента духовных дел иностранных исповеданий с окладом в тысячу рублей в год⁷⁷, 29 ноября 1887 г. произведен за выслугу лет в чин титулярного советника со старшинством⁷⁸, а 30 августа 1889 г. отмечен чином коллежского асессора. В 1889 г. он включается в состав иностранной миссии Бюро иностранных концессий и отправляется в Азию уже как экономический аналитик.

Таким образом, сопровождать Цесаревича на Восток князь был отправлен все-таки не случайно. Отношения с Николаем Александровичем сложились вполне дружеские — Цесаревич подсмеивался над князем, любил ставить его в неловкое положение, но в целом был вполне мил и снисходителен, считая Э. Э. Ухтомского «старым чудаком». Их своеобразная дружба продолжалась и после путешествия на Восток — князь подробно описывал путешествие, постоянно советуясь с Николаем II, который лично ставил пометки на полях сочинения Э. Э. Ухтомского, особенно в отношении событий в Оцу. В дальнейшем они продолжали встречаться, причем Николай II, со свойственной ему педантичностью, отмечал эти встречи в дневнике. Последняя упомянутая

75 Докладная записка кн. Мещерского Владимира Петровича Николаю II с предложением заключить мир с Японией. Рукописная копия // РГА-ДА. Ф. 1378, оп. 2, д. 19, л. 2–3.

76 Ухтомский Э. Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб, 1892.

77 Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД // РГИА. Ф. 821, оп. 12, д. 546, л. 27об–28.

78 Там же.

встреча произошла 13 июня 1904 г.: «Видел Ухтомского, вернувшегося из Америки»⁷⁹.

Уже почти полгода шла русско-японская война. «Восточники» отреагировали на ее начало довольно остро. Князь Э.Э. Ухтомский, например, через несколько дней после начала войны на вопрос немецкого корреспондента («Франкфуртер Цайтунг»), «почему русская публика апатична (к войне)?», отвечал, что «... не может быть и войны, менее популярной, чем настоящая. Мы абсолютно ничего не можем выиграть, принося огромные жертвы людьми и деньгами»⁸⁰. Витте с раздражением утверждал, что патриотические манифестации первых недель войны были устроены «администрацией» и «не встречали никакого сочувствия. Было сразу видно, что война эта крайне непопулярна, что народ ее не желает, а большинство проклиняет»⁸¹.

Вскоре общество начинает искать «виновников» трагедии. «Безобразовцы» из всех сил перекладывают вину именно на Витте. Тот вступает в полемику, оправдываясь и, в свою очередь, обвиняя «безобразовцев». Ему еще довелось сыграть заметную роль в нашей дальневосточной политике — он будет возглавлять делегацию в Портсмуте на мирных переговорах.

После своего недолгого «премьерства» 22 апреля 1906 г. Витте был отправлен в отставку, и, несмотря на все попытки, вернуться во власть уже не смог.

Ухтомский в это время еще продолжает совмещать посты председателя правления Русско-Китайского банка, председателя правления Маньчжурской железной дороги, издателя

После революции Э. Э. Ухтомский переехал в Царское Село, где жил до 1920 г., зарабатывая переводами. В 1920 г. он стал научным сотрудником Академии истории материальной культуры, ассистентом-хранителем Дальневосточного отделения Русского музея, состоял в Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении, хотя никогда не выступал там. Всю оставшуюся жизнь Ухтомский работал над какой-то книгой, однако после 1907 уже ничего не публиковал. Умер Эспер Эсперович Ухтомский 26 ноября 1921 г. в Детском Селе.

«Санкт-Петербургских ведомостей». О нем еще говорят в «свете»⁸² пытаются вовлечь в полемику по поводу «виновников войны»⁸³, однако князь уклоняется от этих тем. В 1908 г. Э.Э. Ухтомский сделал попытку вернуться ко двору. Он хотел быть причисленным к Министерству Двора, но получил отказ⁸⁴ и больше попыток не делал.

В начале 20-х годов XX в. «восточная» тема вновь стала актуальна для России, но это была уже совершенно другая история...

79 Дневники императора Николая II (1894–1918) / Отв. ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1: 1894–1904. С. 809.

80 Романов Б. А. Указ. соч. С. 314–315.

81 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 277.

82 Письма гр. Арс. Арк. Голенничева-Кутузова, Ал. Серг. Ермолова, Марии Кологривовой, Стан. Кораль, Е. Кудрявцева, Л. Лебедевой, И. Левитова, Л. Леуса, Фридр. Лонье // РГИА. Ф. 1072. оп. 1. д. 10, л. 12.

83 Письма разных лиц Э. Э. Ухтомскому по вопросам издания «Петербургских Ведомостей» // РГИА. Ф. 1072. оп. 1. д. 7, л. 52.

84 Письма Прасковьи Николаевны Милутиной Э. Э. Ухтомскому // РГИА. Ф. 1072. оп. 1. д. 11, л. 8–8об.